

Наконец она со вздохом опустила руки, усталая, хотя день еще не начался, и отвернулась от солнца — ее ожидали повседневные заботы.

«Я до смерти измучена. Ну что ж, может быть, сегодня мне хотя бы удастся поспать». Она выполняла дневные обязанности, словно разукрашенная статуя. Благодаря долгим годам опыта на ее уста приходили нужные слова, тело совершало обусловленные ритуалом движения. А сейчас, хотя больше всего на свете ей хотелось броситься на кровать, она стояла и терпеливо ждала, пока прислужницы снимали с нее платье, смывали с кожи пот и дневной жар, застилали скамью, чтобы она могла сесть. И, когда царица села, Хуррами встала у нее за спиной, чтобы распустить ее туго заплетенные волосы, а Ирция, собирая снимаемые с нее украшения, раскладывала по местам в серебряную, разделенную перегородками шкатулку браслеты и кольца, ожерелья и подвески, ножные браслеты, шпильки с головками из драгоценных камней, скреплявшие ее платье.

Каждый вечер один и тот же ритуал. Ирция и Хуррами заботились о ней с тех самых пор, как стали женщинами; их вырастили и воспитали, чтобы служить ей. Так же и ее вырастили и воспитали, чтобы служить Савскому царству. И, хотя она очень хотела остаться одна, их долг и право заключались в служении ей. Отослав, она лишь ранила бы их. «А мне это не помогло бы. Вот если бы...»

— Что тревожит мою госпожу?

Хуррами взялась за искусно заплетенные косы, короной уложенные на голове царицы.

Билкис хотела солгать, но вдруг сказала другое:

— Почему ты думаешь, будто меня что-то тревожит?

— Ты словно бы... изменилась, — вот и все, что произнесла Хуррами.

Ее руки проворно порхали по волосам госпожи.

— Изменилась?

Хуррами отложила двенадцать украшенных алмазами заколок, извлеченных из кос царицы.

— Госпожа моя, вот уже двенадцать лет я служу тебе. Твои тайны — мои тайны. Как могу я не знать, что тебя мучают беспокойные сны? — Хуррами начала распускать туго заплетенные косы. Волосы падали тяжелой волной на плечи. — Твой разум ищет покоя и не находит.

«Ничего удивительного. Женщина ничего не может утаить от своих прислужниц».

— Любящие тебя беспокоятся, — добавила Ирция, — нам бы хотелось видеть тебя счастливой.

— Спасибо за доброту.

Билкис размышляла, как лучше поступить — промолчать или открыться. В конце концов она решилась на компромисс.

— Хуррами, ты права. Я тревожусь. Да, Ирция, мне тоже хочется видеть себя счастливой!

Ирция ответила на иронию госпожи покорной улыбкой и продолжила раскладывать дневные уборы по отделениям серебряной шкатулки. Хуррами взяла резной гребень из слоновой кости и принялась тщательно и неспешно расчесывать густые волосы Билкис.

— А что сделало бы тебя счастливой, госпожа моя? — тихо спросила Хуррами.

«Дочь», — подумала Билкис. Но произнести это вслух она не могла. Этого и не стоило говорить, ведь Хуррами все понимала. «Как и Ирция, и все остальные служанки, и придворные, и торговцы». Ее подданные очень беспокоились о будущем. Шпионы в своих донесениях сообщали, что народ все чаще задается вопросом о том, кто сменит Билкис на троне Савского царства. «Что сделало бы меня счастливой? Новая царица для Савы».

Позади молча стояла Хуррами, приглаживая расплетенные косы госпожи. Гребень из слоновой кости ровными движениями проходил сквозь черные как смоль волосы.

— Спасибо, что спрашиваешь, милая, — вздохнула Билкис, — но не в женской власти дать мне это.

— Значит, это во власти мужчины? Кто-то посмел пренебречь прекраснейшей в мире царицей? Хочешь ли ты, чтобы я покарала его, госпожа? — В голосе Хуррами звенели веселые

колокольчики. — Хочешь, я притащу его к твоим ногам, закованного в золотые цепи?

Царица рассмеялась — она знала, что ее прислужница вполне на это способна. Хуррами шла по жизни смеясь.

— Очень великодушно, спасибо. Но и мужчина не способен дать мне это. Лишь во власти богов даровать мне покой.

Помолчав, Хуррами спросила:

— И боги его не даруют?

— Пока не даровали.

А ведь она весь прошлый год молилась и без конца жертвовала храмам — от воспоминаний зажглась было какая-то мысль, но вспыхнула и погасла слишком быстро, и царица не успела ее уловить...

— Для богов иначе идет время.

Ирция, степенная и рассудительная девушка, повторила эту банальность со всей подобающей серьезностью. Билкис знала, что за спиной у нее Хуррами улыбнулась этой торжественной набожности.

— У богов в запасе вечность. А у цариц — нет.

Царицы умирали и старели, оставаясь навсегда лишь в памяти своих дочерей.

— Тогда, возможно, моей госпоже стоило бы напомнить об этом богам, — сказала Хуррами, с силой вонзая гребень в переплетение прядей.

— Возможно.

И вдруг тлеющая зола той упущенной мысли вспыхнула ярким пламенем. Царица застыла, боясь погасить ослепительный свет своего озарения, не чувствуя даже, как гребень пробивается сквозь ее волосы.

«Да, попросить богов — снова. — На миг ее кровь похолодела и медленнее побежала по жилам. — Раньше они тебе никогда не отвечали, почему сейчас должно получиться иначе?» Эта тщательно хранимая тайна отравляла стыдом. Билкис делала все, что подобает царице, чтобы добиться милости богов. Набожно поклонялась лику Аллат. Но никогда не получала знаков, которыми боги проявляют себя перед теми, кто им слу-

жит. Иногда, стоя перед статуей матери Савского царства и слушая гнетущую тишину, Билкис задумывалась о том, существуют ли боги вообще.

«Нет. Сейчас не время сомневаться. Я пойду в Великий Храм. И попрошу у Аллат помощи. И она скажет мне, где найти следующую царицу Савскую. А если она не ответит...»

Внезапное ощущение уверенности, словно горячее вино, наполнило ее теплом. Если Аллат не ответит, это будет означать, что боги полагаются на нее, Билкис, и знают, что она поступит надлежащим образом. «Да». Ощущение, что все правильно и справедливо, согрело ее.

— Да, наверное, так мне и следует поступить. — Она улыбнулась и погладила Хуррами по тонкому запястью. — Прекрасный совет, милая. И я знаю, что на этот раз моя молитва не останется без ответа.

«А еще я должна поблагодарить за все, что уже было мне даровано». Возможно, боги и вправду существуют. Ведь кто, кроме самой Аллат, мог подсказать этот дерзкий план?

Множество храмов высилось в Марибе; жители Савского царства отличались набожностью, и эти храмы, словно драгоценные камни, украшали корону всеобщего счастья. А из всех самоцветов ярче всего сиял храм Аллат. Прекрасная обитель прекраснейшей из богинь. Дом Царицы Небесной стоял в самом сердце города. Двери внешних помещений храма были открыты для всех днем и ночью, и каждый мог войти, будь то мужчина или женщина, местный житель или чужестранец, ребенок или старик. Здесь тепло встречали всех, кто хотел поклониться Аллат, принести пожертвование или немного отдохнуть, наслаждаясь дарованным богиней покоем. Внешние помещения храма щедро делились ее милостями.

Но за гостеприимством внешних помещений, за улыбками жриц, прохладными фонтанами, роскошными яствами и напитками скрывалось совсем другое царство.

За кустами роз и нежно журчащими фонтанами, за стенами, покрытыми ярким узором из лилий и леопардов, за алтарями

и статуями, что поставили здесь благодарные прихожане, за блеском и смехом — за всеми невинными наслаждениями, которыми наделяла любящая богиня, лежало Внутреннее Святилище храма.

Просто так попасть туда не мог никто. Большинство людей никогда не входили во Внутреннее Святилище, всю жизнь довольствуясь понятными и простыми радостями, которые богиня даровала всем.

Для Внутреннего Покоя не хватало одной лишь чистой преданности и безоглядной веры — он требовал мудрости, смелости и твердой решимости не поддаваться иллюзиям.

Но для особо ревностных или отчаявшихся тайное сердце храма открывало путь к их настоящим желаниям.

Билкис прошла этим тяжелым путем истины лишь дважды за всю жизнь. В первый раз — когда ей на голову возложили корону Рассветного царства и вручили жезл с наконечником в виде когтистой лапы. Девушка по имени Билкис тогда стала царицей Южных земель. В тот день она боялась собственной слабости и осмелилась пройти во Внутреннее Святилище, чтобы испытать себя.

Во второй раз она приходила туда в день смерти своей дочери, ища покоя и смирения, чтобы склониться перед хитросплетениями судьбы. Тогда ей это не удалось. Горечь и страх терзали Билкис, пока ее не поглотила тьма. Еще неделю она не вставала с кровати, понемногу собирая осколки своей души. После того страшного дня она не осмеливалась входить даже во внешние покои храма.

«Но сегодня мне придется. — Билкис простерла руки перед собой. Они не дрожали. — Я спокойна». Она поднялась и медленно повернулась к прислужницам:

— Хороша ли я?

Она спросила не из любопытства — следовало, чтобы сегодня убор и наряд выглядели безупречно.

— Ты — сама богиня во плоти, — ответила Ирция.

— Еще нет, — произнесла Билкис и посмотрела на Хуррами. Та внимательно изучала госпожу.

— Да, — Хуррами опустилась на колени и провела рукой по складкам подола, — да, ты прекрасна, госпожа моя.

— Хорошо. Остается покрывало.

Ирция и Хуррами достали из позолоченной шкатулки переливающееся облако ткани, встряхнули его и накинули на голову Билкис. Сквозь сияние священного покрывала мир казался тенью. Покрывало богини было соткано из шелка, легкого и прозрачного, словно солнечный свет. Золотые нити ярко вспыхнули, когда оно легло на голову Билкис, ниспадая с диадемы и окутывая все тело до пят.

Служанки осторожно поправили покрывало. Приведя все в порядок, Хуррами кивнула:

— Ты готова, госпожа моя. — Немного поколебавшись, она тихо добавила: — Удачи, Билкис.

Вопреки увещаниям придворной распорядительницы, прислужниц и телохранителей, Билкис вышла на улицы Мариба одна. По столь важному поводу не подобало устраивать пышную царскую процессию. «Сейчас я лишь прихожанка, а не правительница. Я не уступлю соблазнам тщеславия и показной роскоши».

Кроме того, мудрость подсказывала ей, что образ закутанной в покрывало царицы, одиноко идущей к великому храму просить милости Аллат, сохранится в памяти горожан дольше, чем процессия, какой бы она ни была пышной.

Имелись и другие причины проявить столь скромную набожность и спокойную гордость. Ожидалось (хотя и не требовалось напрямую), что проситель, желающий попасть во Внутреннее Святилище, пройдет через главные ворота смиренно и кротко. Сегодня эта скромность станет не только проявлением набожности, но и продуманным ходом. Весь город должен был увидеть, что царица отправилась искать истину у самой Аллат. Легкомысленным или бесцельным такое обращение к богине быть не могло...

«...А значит, любым словам, принесенным мной из храма, поверят». От мысли о том, что придется обмануть, у Билкис

ПРОЛОГ

ПЕСНЬ ВААЛИТ

Отец мой был великим царем, мудрым и сильным человеком. Мать моя, дочь джинна, была огненным песчаным вихрем. Так начал бы мою историю какой-нибудь арфист. В конце концов, того требует традиция. Так начну и я свою песнь, ведь для нарушившего все правила и отринувшего все заветы лишь традиция может искупить вину и подсластить ее.

И песнь моя такова: царь золотого века и царица земель, что лежат дальше восхода солнца, встретились и вступили в поединок разума и воли. Она испытывала его сложными загадками, а он с легкостью все их разрешал. И тогда женщина склонилась перед силой его мудрости, восхваляя его величие, а потом отбыла в свое далекое царство, увозя груз бесценных подарков, которыми щедро оделил ее премудрый царь.

«Она получила все, чего только могла желать, — так поют об этом сейчас. — Царь Соломон дал все, чего хотела душа великой царицы».

Но щедрость далась ему нелегко. Он неохотно расстался с тем, чего по-настоящему жаждала царица Южных земель и что он даровал ей. Для этого ему пришлось поступиться своим царским величием. В песнях об этом не поют — правда горька для людей.

А я облечу песнь о них в свои слова и в их собственные. Я, в свою очередь, стану царицей Земли Пряностей, царицей Юга. И в этой песне поведаю вам о Соломоне Премудром и о Билкис, царице Утра.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦАРИЦА ЮЖНОЙ СТРАНЫ

Я — лишь эхо воспоминаний, но обо мне еще говорят, а значит, ветер времени доносит мой шепот до слуха живых. Ведь обо мне ходит еще немало легенд, и не всегда молва щадит меня. Но одно я, Ависага Сунамитянка, могу сказать от чистого сердца: никогда я не плела интриг, чтобы стать царицей. Все заговоры, которым я содействовала, все мои хитрости имели целью лишь одно: чтобы после смерти царя Давида корона досталась Соломону. Оказавшись при дворе царя Давида, ни о чем другом я не думала.

Лишь об этом. И о том, чтобы Соломон стал моим. Чтобы его душа стремилась ко мне. Ко мне одной. Какое значение имели по сравнению с этим царь или корона?

В сердце моем жили два одинаково сильных желания. И судьба, зная о них, лишила меня того, что могло бы все искупить. Искупить все те поступки, благодаря которым Соломон взошел на трон, а я стала царицей. Судьба не даровала мне сына от Соломона. Сына, который унаследовал бы царство. Этой награды я была лишена.

И все же в конечном итоге это не имело значения.

БИЛКИС

Ее страна снов и пряностей лежала далеко за горизонтом, и само название тех земель означало «рассвет». Рассвет и пряно-

сти — два драгоценных камня, что одинаково ярко сияли в короне Савского царства. Короне, благополучно переходившей от матери к дочери, от тетки к племяннице, от сестры к сестре по живой цепи поколений, не прерывавшейся тысячу лет.

До сих пор.

Билкис посмотрела на корону Савского царства — золотой обруч, украшенный драгоценными камнями. Теперь ему грозила неведомая судьба. Древнее сокровище покоилось в ларце из черного дерева, таком старом, что от благоговейных прикосновений сотен рук стерлась узорная резьба на нем. Главная придворная советница рассказывала о вырезанных на ларце фигурах так подробно, словно видела их воочию: Аллат, богиня-мать Савы, дарует пряности и благовония Амелиат-Кукнус, рожденной солнцем и пламенем и ставшей первой царицей.

Ладан и мирт, корица и перец... Пряности Савского царства, более редкостные, чем рубины, более драгоценные, чем золото, принесли этой земле богатства, превосходящие мечты всех правителей. Дар богини воплотился в мирной жизни и процветании. И то и другое хранили царицы, любящие матери земли Аллат и ее народа.

От сестры к сестре, от тетки к племяннице, от матери к дочери. Билкис взяла корону в руки. На чеканной золотой поверхности вспыхнул отблеск. *От царицы к царице.*

До сих пор.

Теперь лишь одна женщина могла доказать свое прямое происхождение от царской династии Савы. «Я — последняя царица. — Она смотрела на тяжелую корону, благоговейно держа ее в руках. — Почему так случилось? Я посвятила себя выполнению долга. Благо Савского царства было для меня дороже жизни». Всегда, всегда она заботилась о своем царстве, словно о единственном ребенке. Она принесла ему в жертву себя. Свою дочь. И все ради того, чтобы пережить смерть своего детища.

Теперь она осталась одна. А корона ждала...

Билкис со вздохом осторожно вернула ее в древний ларец, пробежав пальцами по золотой поверхности, сиявшей холодным

светом. «Я не предаю тебя», — поклялась она. Династия Савских цариц не закончится на ней. *Не может* закончиться на ней.

Она опустила крышку ларца и взяла со стола серебряное зеркальце. Не обманывая себя и не впадая в тщеславие, она разглядывала отражение своего лица. Солнце, просачиваясь сквозь алебастровые окна, вкрадчиво льстило ей.

Ласковая ложь. И точно так же лгало ей зеркало: полированное серебро отражало лишь подведенные сурьмой глаза и тронутые кармином губы. В зеркалах ее накрашенное лицо все еще сияло молодостью и красотой. Серебро не показывало морщинок, которые прорезали кожу в уголках глаз и вокруг рта.

Пока не показывало.

Но когда-нибудь, уже скоро, алебастровые пластины окон перестанут смягчать солнечные лучи, да и серебро больше не сможет лгать. Она медленно опустила зеркальце и отвернулась.

«Пора посмотреть правде в глаза — я старею».

Само по себе это не было большой бедой, ведь старело все живое. Но для царицы Савской это означало катастрофу.

«Если бы не умерла Алит!..» Но ее единственная дочь, взращенная и воспитанная, чтобы занять трон и в свою очередь, вслед за матерью, стать царицей, лежала в могиле вместе с девочкой, рожая которую она и умерла. И дочь, и внучка скончались в ранний предрассветный час. Последние, в чьих жилах текла бесценная кровь правящей Савской династии...

«А я слишком стара, чтобы родить еще одну дочь». Изящное тело и гладкое лицо не выдавали истинный возраст, но иметь детей она больше не могла. После смерти дочери она пыталась изо всех сил, проводя в саду наслаждений при храме Аллат бесчисленные ночи с мужчинами, не видевшими ее лица, в поисках героя, который оказался бы достаточно сильным, чтобы зачать наследницу и продолжить царскую династию.

Но у нее ничего не вышло — тело отказывалось давать новую жизнь. И теперь с каждым очередным лунным циклом она все яснее убеждалась, что больше не сможет рожать детей.

И все же она не могла обойтись без наследницы. *Савское царство* не могло обойтись без наследницы. Каким-то обра-

зом ей предстояло найти царицу для этой страны, царицу, которая снимет тяжелую корону с ее гордой головы и будет править после нее, заботясь о земле и народе Аллат. «И как мне даровать им эту милость? — Она больше не могла избежать этого вопроса, он преследовал ее, словно призрак. — Ведь мое тело слишком старо для этого, и нет других женщин одной со мной крови, чтобы разделить эту ношу. Что же мне делать?»

Этот неотвратимый вопрос лишал ее покоя и не позволял забыть. Что толку от всех долгих лет ее правления, если некого оставить на престоле после себя? Лишь преемственность, невидимое глазу перетекание власти из одних царственных рук в другие, могла обеспечить мир. Неужели на ней разомкнутся звенья этой безупречной, искусно выкованной цепи?

Теперь покой не приходил даже по ночам. Во сне она скиталась в пустынях, лишённых надежды, мечты и жизни, а на рассвете просыпалась измученная, без сил для дневных дел. Она не показывала другим свою неотступную тревогу — точно так же она скрыла бы и любую другую слабость. Это была ее беда, и она не могла никого заражать своим беспокойством.

Но она знала, что скоро ей придется защищать будущее народа Аллат. Жизнь, даже царская, была зыбкой, а будущее ждать не могло.

И после долгой ночи, когда она лежала и смотрела, как восходят, а потом садятся звезды, она поняла, что и сама больше не может ждать. Встав вместе с солнцем, она по ступеням поднялась на крышу дворца. Внизу расстилался мирно дремлющий город. Мариб, Жемчужина Пустыни. Мариб, Царство Пряностей. Мариб, любимое дитя Аллат, Звезды Утренней и Звезды Вечерней.

Яркое солнце взбиралось на арку небес. Глядя, как разгорается день, царица истово молилась: «Даруй мне ответ, Солнце наших дней. Даруй мне ответ, и я заплачу любую цену, которую ты мне назначишь». Она ждала, простирая руки к огненной богине, возносящейся в ясное небо. Но ответ не приходил. Лишь золотистая земля мирно простиралась под восходящим солнцем.